

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 108

28 мая 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя Ч., адвоката Г., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Ч. от 11 февраля 2026 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката Г. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 08 апреля 2026 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившемся в том, что, приняв поручение Ч. по представлению его интересов в судебных заседаниях по гражданскому делу № ..., рассматриваемому Г. городским судом В. области, она перепоручила оказание юридической помощи по представлению интересов доверителя Ч. в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу юристу А., не являющемуся адвокатом Адвокатского бюро города Москвы «Г.», оставив тем самым доверителя Ч. без квалифицированной юридической помощи;

2) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Г. по жалобе Ч. от 11 февраля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

27 мая 2026 года в Адвокатскую палату города Москвы от адвоката Г. поступила «Позиция к рассмотрению дисциплинарного дела в Совете Адвокатской палаты города Москвы» (вх. № ... от ...), в которой она, не

оспаривая по существу выводы Квалификационной комиссии, просила Совет ограничиться применением минимальной меры дисциплинарной ответственности – замечанием. В обоснование этой просьбы указала следующее: допущенное ею нарушение не связано с действиями, образующими грубое посягательство на профессию; юридическая помощь доверителю фактически и полноценно оказывалась; доверенность была выдана нескольким лицам и предусматривала право передоверия; у нее отсутствовал умысел на нарушение прав доверителя. Кроме того, просила соотнести характер нарушения с его последствиями, учесть совокупность обстоятельств настоящего дела, включая ее состояние здоровья в момент оказания Ч. юридической помощи, отсутствие у нее дисциплинарных взысканий, а также иные «личные и социальные обстоятельства». К «Позиции» адвокат Г. приложила медицинские документы от 14 мая 2025 года на 2 (двух) листах.

В заседании Совета адвокат Г. подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной комиссии, ознакомление и согласие с ним, поддержала доводы своей письменной позиции. Дополнительно пояснила, что все было сделано в интересах доверителя. При этом факт своего неучастия в судебных заседаниях по его делу она признает и согласна, что это является этическим нарушением. Полагает, что ее неучастие в судебных заседаниях было согласовано с доверителем в переписке, и возражений с его стороны не было. Просит учесть смягчающее обстоятельство, которое изложила в письменном виде.

Отвечая на вопросы членов Совета, пояснила, что задача, которую поставил перед ней заявитель Ч., – запросить в банках и налоговой инспекции данные об истце, что и было сделано, а также затянуть дело, поскольку деньги Ч. все равно возратить не мог. Но суд дело тянуть не собирался и после получения ответов на запросы намеревался выносить решение. Это было доведено до доверителя, и, по ее мнению, невозможность тянуть дело явилась причиной возникшего конфликта. Ходатайство о назначении экспертизы было подготовлено по согласованию с доверителем, но заявлено не было. Ничего против воли доверителя сделано не было. Заявление Ч. о каких-либо подделках подписи или таких намерениях голословны, ей об этом ничего неизвестно. Полагает, что вследствие конфликта доверитель просто хочет ей навредить, делая такие заявления, и сожалеет об этом. Конкретно ею выполнена следующая работа по делу Ч.: подготовлены ходатайство о переходе с упрощенного на общий порядок рассмотрения дела и отзыв на исковое заявление; далее она ознакомилась с делом, дополнила отзыв, подготовила ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы. Первое подготовленное ею соглашение об оказании юридической помощи с Ч. как физическим лицом он не подписал и ей не вернул, хотя она его об этом неоднократно просила. Он подписал только второе соглашение – от имени юридического лица в качестве его руководителя. Она на это согласилась, поскольку часть работы к тому моменту уже была выполнена, однако в работе руководствовалась

соглашением с Ч. как с физическим лицом. В соглашении с юридическим лицом конкретный предмет сформулирован не был, оно было нужно только как формальное основание для оплаты ей вознаграждения, чтобы доверитель мог обосновать расходы юридического лица. Другой возможности получить деньги от доверителя у нее не было. Признает упущение в том, что в обоих соглашениях содержатся условие о наложении на доверителя «штрафа» в случае досрочного расторжения соглашения по его инициативе. Полагает, что сведения на ее сайте о количестве «выигранных дел» должны были быть удалены техническими специалистами, которым она дала такое поручение. Ей точно неизвестно, какие именно сведения, размещенные на ее сайте, являются недопустимыми, и как это нужно исправить.

Заявитель Ч. в заседании Совета подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился. Указал, что получил письменную позицию адвоката Г., с которой полностью не согласен. Нарушение, допущенное ею, связано с грубым посягательством на профессию адвоката. Уже после отмены им доверенности от его лица было подано ходатайство об ознакомлении с материалами дела, о чем он не был уведомлен. Мотивы ознакомления адвоката Г. с делом после отмены доверенности ему неизвестны, и по этому поводу он будет подавать отдельную жалобу. Полагает, что адвокат Г. и ее сотрудники подделали его подпись для ознакомления с делом. Полноценная юридическая помощь ему, как доверителю, не оказывалась, поскольку адвокат Г. передала его дело юристу А., который даже не является ее сотрудником, и за которого она не может поручиться как за профессионала. Личные обстоятельства адвоката не должны влиять на работу с доверителем. Аргументы адвоката Г. несостоятельны, она брала деньги за свою работу, поэтому он имел право на квалифицированную, качественную юридическую помощь именно от нее. Ссылка адвоката Г. на то, что избранная модель работы по делу была с ним согласована, не соответствует действительности. Если бы он хотел заключить соглашение с юристом в городе Г.-Х., то он бы сделал это напрямую, а не через адвоката Г. Он не согласен с тем, что права его не нарушены, и их нарушение уже доказала Квалификационная комиссия в своем заключении. Назначение экспертизы с ним не согласовывалось. При определении адвокату Г. меры дисциплинарной ответственности просит не принимать во внимание ее ссылки на личные обстоятельства. Он сам является многодетным отцом, но это адвокат Г. не учитывала. Она, прежде всего, адвокат, а уже потом мать троих детей.

Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что после поступления в суд искового заявления Н. он обратился к адвокату Г. и сообщил ей еще до заключения соглашения, что расписку действительно писал лично, но ему нужно время разобраться, поскольку эти деньги он даже в руки не брал. Адвокат Г. ему объяснила, что поскольку его «подставили», они его дело смогут «выровнять»: запросят документы в налоговой инспекции, чтобы установить, действительно ли у истца были такие деньги, а не безденежная расписка, которую его (Ч.) просто вынудили подписать. То есть, перед

адвокатом Г. ставилась задача оспорить расписку. При этих обстоятельствах, когда он подтвердил адвокату Г., что лично писал данную расписку, никакой экспертизы подписи назначать было не нужно, и он бы не дал согласие на заявление ходатайства о ее назначении, если бы его мнение спросили.

Проблема с подписанием им соглашения, представленного адвокатом Г., состояла в том, что на тот момент он не мог оплатить ее работу, а когда у него появились деньги, то он заплатил, и они соглашениями обменялись. Что касается первого соглашения, то он его подписал и, насколько помнит, вместе с доверенностью бросил в почтовый ящик для того, чтобы адвокат Г. эти документы получила. Поскольку у него не было денег для оплаты по соглашению с ним как с физическим лицом, он предложил второе соглашение с юридическим лицом, где является директором, и от этого юридического лица адвокату Г. и поступила оплата. Считает необходимым прекратить статус адвоката Г. за такое некорректное поведение.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

11 июля 2025 года в И. районный суд города Москвы подано исковое заявление Н. к Ч. о взыскании задолженности по договору займа и процентов за пользование денежными средствами. Определением суда от 16 июля 2025 года указанное исковое заявление возвращено истцу в связи с его неподсудностью данному суду. 17 июля 2025 года Ч. направил адвокату Г. сообщение в мессенджере WhatsApp, где уведомил о поданном к нему иске о взыскании долга по расписке и спросил о возможности оказания ему юридической помощи. 28 июля 2025 года адвокат Г. направила заявителю подписанное Соглашение № ... об оказании юридической помощи от 25 июля 2025 года между Адвокатским бюро «Г.» в лице управляющего партнера Г. (Поверенный) и Ч. (Доверитель), согласно которому Поверенный обязался оказать Доверителю юридическую помощь по представлению интересов в суде первой инстанции.

Согласно пп. 3.1 и 3.6 указанного Соглашения, стоимость юридической помощи составляет 150 000 рублей, которая включает в себя *«не более 2 (двух) судебных заседаний, начиная с третьего – каждое заседание оплачивается дополнительно»* в размере 25 000 рублей. Оплата производится до назначенного судебного заседания. В случае непоступления оплаты за заседание Поверенный приостанавливает оказание юридической помощи.

02 сентября 2025 года Н. подал в Г.-Х. городской суд В. области исковое заявление к Ч. о взыскании задолженности по договору займа от 26 января 2025 года и процентов за пользование займом. 05 сентября 2025 года данное исковое заявление было принято судом к производству и возбуждено гражданское дело № ... (№ ...), которое назначено к рассмотрению в порядке

упрощенного производства с установлением срока предоставления возражений и доказательств по делу до 26 сентября 2026 года.

05 сентября 2025 года заявитель в переписке с адвокатом Г. сообщил о своем намерении 09 или 10 сентября 2025 года приехать в Москву и подписать указанное Соглашение при личной встрече. 10 сентября 2025 года адвокат Г. повторно направила заявителю подписанное со своей стороны Соглашение и сообщила о необходимости подачи в Г.-Х. городской суд В. области возражений на иск по указанному делу в срок до 24 сентября 2025 года. Заявитель не возвратил адвокату Г. подписанное им Соглашение № ..., хотя затем в ходе дисциплинарного разбирательства утверждал, что указанное Соглашение он подписал, однако оплату по нему не произвел из-за финансовых затруднений.

20 сентября 2025 года заявитель Ч. выдал доверенность на бланке серии ..., удостоверенную В. Д.В., ВРИО нотариуса города Москвы В. С.С., уполномочив адвоката Г., а также П., К., К., С. представлять его интересы во всех судах Российской Федерации.

23 сентября 2025 года адвокатом Г. были подготовлены и поданы в Г.-Х. городской суд В. области возражения на исковое заявление Н. к Ч. о взыскании денежных средств по договору займа, а также ходатайство о переходе к рассмотрению гражданского дела № ... по общим правилам искового производства. 24 октября 2025 года суд вынес определение о переходе к рассмотрению гражданского дела № ... по общим правилам искового производства.

25 ноября 2025 года между Адвокатском бюро «Г.» в лице управляющего партнера Г. (Поверенный) и ООО «П.» в лице генерального директора Ч. (Доверитель) заключено Соглашение № ... об оказании юридической помощи, в соответствии с п. 1.1 которого Поверенный принимает на себя обязательство «оказать доверителю юридическую помощь по разработке правовой позиции по вопросу доверителя». Пунктом 3.1 Соглашения предусмотрено, что вознаграждение составляет 150 000 рублей. 28 ноября 2025 года ООО «П.» платежным поручением № .. оплатило на расчетный счет Адвокатского бюро города Москвы «Г.» 150 000 рублей, указав в назначении платежа: *«Оплата за разработку прав. позиц. по Соглашению ... от 25.11.2025г. без НДС».*

Согласно объяснениям адвоката Г., ею в интересах Ч. были подготовлены ходатайства о назначении почерковедческой экспертизы и о привлечении к участию в деле третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, – ФНС России, которые 20 декабря 2025 года поданы в Г.-Х. городской суд В. области посредством ГАС «Правосудие». В заседании Совета адвокат Г., как указано выше, изменила свою позицию и стала утверждать, что ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы ею в суд не подавалось.

По поручению адвоката Г. в судебных заседаниях, состоявшихся 10 и 22 декабря 2025 года, принимал участие в качестве представителя ответчика А., действующий на основании нотариально удостоверенной доверенности

серии ..., выданной ему 01 декабря 2025 года Г. (в порядке передоверия). В судебном заседании 22 декабря 2025 года А. просил суд не рассматривать ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы. Сама адвокат Г. в судебных заседаниях по делу не участвовала.

13 января 2026 года операционный директор Адвокатского бюро «Г.» Т. направила заявителю сообщение о необходимости оплаты счета за представление его интересов в Г.-Х. городском суде В. области в судебном заседании по гражданскому делу № ..., назначенном на 19 января 2026 года. В ответ на это сообщение 14 января 2026 года заявитель попросил Т. представить ему отчет о проделанной работе. 03 февраля 2026 года Ч. распоряжением ..., удостоверенным нотариусом города Москвы В. С.С., отменил доверенность, выданную 20 сентября 2025 года адвокату Г., а также П., К., Ко., С., и 13 февраля 2026 года в мессенджере Telegram уведомил об этом адвоката Г.

Из жалобы Ч. следует, что он выдвигает в отношении адвоката Г. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в подаче в судебном заседании 19 января 2026 года ходатайства о назначении по указанному гражданскому делу почерковедческой экспертизы, которое не было согласовано с ним; в совершении действий по исполнению поручения, не согласованных с заявителем;

2) в предложении заявителю «учиться подделывать почерк» и «сфальсифицировать документы для производства экспертизы»;

3) в неучастии в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу и перепоручении представления интересов заявителя в суде своим помощникам, в наличии квалификации которых заявитель не уверен;

4) в непредоставлении заявителю отчета о ведении дела и о расходовании оплаченных денежных средств в размере 150 000 рублей;

5) в размещении на своем сайте сведений, в которых «заявлен ее многолетний опыт и более 600 выигранных дел, что и явилось ключевым» для заявителя при выборе адвоката.

Рассматривая первое и второе дисциплинарные обвинения, Совет отмечает следующее. Адвокат Г. данные дисциплинарные обвинения не признала, утверждая, что позиция заявителя заключалась в том, что он не получал от истца денежные средства взаймы и расписку не писал. При построении правовой позиции с заявителем обсуждалась возможность подачи ходатайства о назначении почерковедческой экспертизы, которое, по мнению адвоката Г., являлось логичным способом защиты его интересов в данном споре. 20 декабря 2025 года представитель заявителя С. через ГАС «Правосудие» подала в Г.-Х. городской суд В. области ходатайство адвоката Г. о назначении почерковедческой экспертизы. Однако в судебном заседании 22 декабря 2025 года это ходатайство не было поддержано представителем ответчика, поскольку последний просил в указанном судебном заседании ходатайствовать о приобщении к материалам дела копии листка его нетрудоспособности и об отложении рассмотрения дела.

Из представленного в материалы дисциплинарного производства ходатайства от 19 декабря 2025 года следует, что представителем ответчика адвокатом Г. заявлено ходатайство о назначении по указанному делу почерковедческой экспертизы, проведение которой она просит поручить АНО «П». В обоснование данного ходатайства указано, что расписка от 26 января 2025 года не подтверждает фактическую передачу денежных средств, и у ответчика Ч. имеются сомнения в подлинности спорной расписки. При этом в ходатайстве не приведены вопросы, которые следует поставить перед экспертами.

Из протокола судебного заседания от 22 декабря 2025 года усматривается, что представитель ответчика Ч. – А. просил суд не рассматривать поданное ранее ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы, поскольку Ч. не смог лично явиться в судебное заседание ввиду болезни. Также А. заявил ходатайство о приобщении к материалам дела документов о болезни ответчика и ходатайство о привлечении к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, – ФНС России, которые судом были удовлетворены.

Согласно объяснениям адвоката Г., после указанного судебного заседания между ней и заявителем возник конфликт, и в судебном заседании 19 января 2026 года ни она, ни ее помощники и коллеги интересы заявителя уже не представляли. Данные обстоятельства заявителем не оспаривались. Доказательств заявления или поддержки адвокатом Г. в судебном заседании 19 января 2026 года ходатайства о назначении по делу почерковедческой экспертизы не представлено.

Соответственно, доводы заявителя о заявлении адвокатом Г. в судебном заседании 19 января 2026 года ходатайства о назначении по указанному гражданскому делу экспертизы опровергаются материалами дисциплинарного производства, поскольку ходатайство адвоката Г. о назначении почерковедческой экспертизы было подано 20 декабря 2025 года и не ей самой, а представителем заявителя С.

Как следует из переписки заявителя с адвокатом Г. в мессенджере WhatsApp, 20 сентября 2025 года на просьбу Ч. прислать ему ходатайство о переходе к рассмотрению дела по общим правилам адвокат Г. ответила: *«Я все тексты пришлю после оплаты. Так мне было бы комфортнее»*. 08 декабря 2025 года заявитель отправил адвокату Г. сообщение: *«О. день добрый» У нас в среду суд, как у вас дела?»*, на которое она ответила: *«Добрый день. Все написано и подано, представитель в ... (суд) идет»*.

Вместе с тем, адвокат Г. подтвердила, что письменный проект ходатайства о назначении почерковедческой экспертизы до подачи в суд заявителю не направлялся и с ним не согласовывался. Однако, по ее утверждению, вопрос о возможности заявления такого ходатайства обсуждался с доверителем, и, понимая, что в конце календарного года судья может поспешно вынести решение по делу, она видела свою задачу в том, чтобы 22 декабря 2025 года решение не было вынесено. В связи с этим она

подготовила ходатайство о назначении почерковедческой экспертизы, чтобы, в крайнем случае, у представителя заявителя была возможность заявить ходатайство об отложении рассмотрения дела со ссылкой на него. Эти пояснения адвоката Г. не опровергнуты. Кроме того, в проекте ходатайства о переходе к рассмотрению дела в общем порядке искового производства, датированном 19 сентября 2025 года и подготовленном супругой заявителя, помимо иных доводов, указано, что необходимо осмотреть оригинал расписки, копия которой представлена истцом, после чего ответчик вправе заявить о подложности данной расписки, что повлечет необходимость назначения по делу судебной почерковедческой экспертизы. Указанный довод был сохранен в ходатайстве о переходе к рассмотрению гражданского дела № ... по общим правилам искового производства от 19 сентября 2025 года, подготовленном и поданном в суд адвокатом Г.

Кроме того, согласно переписке в мессенджере WhatsApp, Ч. 22 декабря 2025 года написал адвокату Г. сообщение: *«О. день добрый! По большому вы ходательство написали? Сегодня в 14-30 кажется суд. От меня что-то требуется еще?»*. Затем на вопрос заявителя о том, как прошло судебное заседание, адвокат Г. ответила: *«Отложили на 19.01. Судья говорит, либо экспертиза или будет выносить»*. Получив это сообщение, Ч. сразу же спросил: *«А запрос сделали на наличие денег?»*, на что адвокат Г. сообщила, что суд привлек к участию в деле в качестве третьего лица ФНС России. Из указанной переписки следует, что с заявителем перед судом обсуждался, в том числе и вопрос о возможности назначения почерковедческой экспертизы.

Доводы заявителя о том, что адвокат Г. предлагала ему *«учиться подделывать почерк»* и *«сфальсифицировать документы для производства экспертизы»*, доказательствами не подтверждены. Ссылки заявителя на переписку в мессенджере с директором Адвокатского бюро «Г.» Т. несостоятельны, поскольку на сообщение заявителя от 29 января 2025 года – *«Ваш предложенный вариант дальнейшего ведения дела, это подделать почерк, правильно я понял с ваших слов? Что такой вариант сработает?»* – Т. написала в ответ: *«Я вам такого не предлагала. Мы говорили, что экспертиза – это способ получить дополнительное время»*. Иных доказательств в подтверждение рассматриваемых дисциплинарных обвинений заявителем не представлено.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что данные дисциплинарные обвинения не нашли подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства, в связи с чем дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению. Вместе с тем, Совет считает необходимым указать адвокату Г. на то, что в описанной ситуации ей, действуя разумно и добросовестно, следовало избежать неопределенности в вопросе о назначении почерковедческой экспертизы, а для этого сначала прямо сообщить доверителю о намерении заявить такое ходатайство и представить ему проект этого ходатайства, а уже затем, получив ответ доверителя по

существо этого вопроса, предпринимать действия, направленные на подачу ходатайства в суд.

Рассматривая четвертое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает, что п. 6 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката установлена обязанность адвоката в случае отмены поручения незамедлительно и по собственной инициативе, без каких-либо дополнительных требований об этом со стороны доверителя, возратить ему доверенность и все подлинные документы по делу, а также при отмене или по исполнении поручения – представить доверителю по его просьбе отчет о проделанной работе.

Заявитель в жалобе указывает, что адвокат Г. не представила ему детальную информацию о том, за какую именно юридическую помощь, за какие действия ей были оплачены денежные средства в размере 150 000 рублей. При этом заявитель подтвердил, что адвокат Г. представила ему отчет о проделанной работе, однако сделала это через неделю или полторы, и отчет был неполным: в нем не были указаны судебные заседания. Адвокат Г., со своей стороны, указывает, что заявитель систематически информировался о ходе рассмотрения дела и о результатах каждого процессуального действия посредством телефонных звонков и переписки в мессенджере WhatsApp, что подтверждается материалами дисциплинарного производства.

Из представленной в материалы дисциплинарного производства переписки следует, что заявитель Ч. 14 и 29 января 2026 года направил операционному директору Адвокатского бюро «Г. и партнеры» Т. сообщения с просьбой предоставить отчет о проделанной работе и сообщить, на что потрачены 150 000 рублей. В ответ Т. дважды разъяснила заявителю, что соглашение об оказании юридической помощи предусматривало подготовку правовой позиции и участие в двух судебных заседаниях по указанному гражданскому делу, и стоимость этой юридической помощи составила 150 000 рублей. Далее между ними велась переписка относительно ходатайства о назначении по делу почерковедческой экспертизы. 13 февраля 2026 года заявитель направил адвокату Г. в мессенджере распоряжение об отмене доверенности, однако просьбу о представлении отчета не высказывал.

При таких обстоятельствах адвокат Г. не может быть в данной части признана нарушившей требования законодательства и профессиональной этики, в связи с чем дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Рассматривая пятое дисциплинарное обвинение, Совет отмечает следующее.

В жалобе заявитель Ч. указывает, что при выборе адвоката опирался на информацию, размещенную в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте адвоката Г., о ее многолетнем опыте и о более чем шестистах выигранных ею делах, что стало для него решающим фактором. Однако при дальнейшем разбирательстве заявитель Ч. сообщил, что обратился к адвокату Г. по совету друга, и перед заключением соглашения об оказании юридической помощи не исследовал информацию на ее интернет-сайте, а изучил его содержание и блоги адвоката Г. после судебного

заседания, состоявшегося 22 декабря 2025 года, когда между ними возник конфликт.

Поскольку заявитель Ч. изменил свою позицию в отношении момента ознакомления со сведениями об адвокате Г., размещенными в сети «Интернет», дисциплинарное обвинение в том, что выбор адвоката Г. был сделан заявителем под воздействием сведений о ее многолетнем опыте и более 600 «выигранных делах», не нашло подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства. По этой причине дисциплинарное производство в этой части подлежит прекращению.

В то же время Совет считает необходимым указать адвокату Г. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции (пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При этом согласно п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката информация об адвокате и адвокатском образовании допустима, если она не содержит: (1) оценочных характеристик адвоката; (2) отзывов других лиц о работе адвоката; (3) сравнений с другими адвокатами и критики других адвокатов; (4) заявлений, намеков, двусмысленностей, которые могут ввести в заблуждение потенциальных доверителей или вызывать у них безосновательные надежды

Согласно абз. 6, 7, 8 Разъяснения № 01/19 Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам по вопросу применения п. 1 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 17 апреля 2019 года (Протокол № 7), «Недопустимой является информация, вводящая потенциальных доверителей в заблуждение относительно характеристик адвоката и оказываемой им юридической помощи путем ложных заявлений, обещаний, искажения фактов. Недопустимо размещение в сети «Интернет» не соответствующих действительности сведений о количестве оправдательных приговоров, постановленных в отношении доверителей адвоката, о проценте «выигранных» дел. Размещение в сети «Интернет» не соответствующих действительности сведений влечет подрыв доверия как непосредственно к адвокату, распространившему недостоверную информацию о себе, так и к адвокатуре в целом. Такие действия являются прямым нарушением запрета привлечения потенциальных доверителей обещанием благополучного разрешения дела, установленного подпунктом 6 пункта 1 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, и нарушением требований к информации об адвокате, содержащихся в пункте 1 статьи 17 Кодекса профессиональной этики адвоката» (<https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/interpretation-no-01-19/>>).

Размещение адвокатом Г., являющейся управляющим партнером Адвокатского бюро «Г.», в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (в том числе на сайте указанного адвокатского бюро, партнерами которого, согласно объяснениям адвоката Г., являются только два адвоката, <https://....com>, а также на ее личном адвокатском сайте <https://....com/advokat>) неverified сведений о «более чем 600 выигранных дел», равно как и сведений «>5,051 млрд выиграно», а также неverified отзывов благодарных доверителей является недопустимым, поскольку не соответствует приведенным выше обязательным требованиям и вводит в заблуждение потенциальных доверителей. В отсутствие документальных подтверждений и ссылок на конкретные дела судебные акты по ним подобные количественные характеристики «выигранности» с размытыми критериями объективно не могут быть проверены и создают иллюзию гарантированного успеха, тем самым напрямую нарушают приведенный выше запрет. Кроме того, Совет отмечает отсутствие на вышеуказанных сайтах обязательных сведений об адвокате и адвокатском образовании в виде их номеров в соответствующих реестрах, а на личном адвокатском сайте адвоката Г. – о ее принадлежности к адвокатскому образованию. В связи с этим Совет считает необходимым обязать адвоката Г. в срок до 30 июня 2026 года привести информацию, размещенную в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте Адвокатского бюро города Москвы «Г.», а также на ее личном адвокатском сайте, в соответствие с требованиями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и решениями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы.

Наконец, рассматривая третье дисциплинарное обвинение – в неучастии адвоката Г. в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу и перепоручении представления интересов заявителя в суде своим помощникам, Совет приходит к выводу о его обоснованности в силу следующего.

Заявитель указывает, что, заключая договор с адвокатом Г., он ожидал оказания ему юридической помощи непосредственно ею. Однако интересы заявителя в суде представляла не адвокат Г., а кто-то из ее помощников, в квалификации которых заявитель не уверен, и он не давал согласия на перепоручение адвокатом Г. представительства в суде его интересов иным лицам. Адвокат Г., в свою очередь, не отрицая своего неучастия в судебных заседаниях по делу Ч., указала, что заявитель знал о том, что его интересы в судебных заседаниях 10 и 22 декабря 2025 года будет представлять юрист А., и возражений против этого не высказал. Также в письменных возражениях адвокат Г. отметила, что соглашение об оказании юридической помощи было заключено доверителем с Адвокатским бюро «Г.», и, соответственно, поверенным по Соглашению является именно Адвокатское бюро, а не она или иной конкретный адвокат лично. В Соглашении отсутствует указание на обязанность личного участия адвоката Г. в судебных заседаниях.

В результате дисциплинарного разбирательства также установлено, что А., участвовавший в судебных заседаниях в качестве представителя ответчика Ч., – это юрист из города Г.-Х. В. области, не являющийся ни адвокатом, ни иным сотрудником Адвокатского бюро «Г.».

Между тем, в соответствии с требованиями законодательства (п. 5 ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») и вопреки утверждению адвоката Г., соглашение с заявителем Ч. заключено от имени всех адвокатов Адвокатского бюро «Г.», и, следовательно, обязательства поверенного являются общими обязательствами всех адвокатов указанного адвокатского бюро. При этом само адвокатское бюро юридическую помощь доверителям оказывать не вправе. То обстоятельство, что в Соглашении об оказании юридической помощи отсутствует указание на то, кто именно из адвокатов бюро принял поручение доверителя Ч., является пороком соглашения, ответственность за который несет адвокат Г., заключившая это соглашение и являющаяся управляющим партнером адвокатского бюро, и ни в коей мере не освобождает ее от обязанности личного исполнения поручения доверителя. При этом предмет поручения – представление интересов доверителя при рассмотрении дела судом первой инстанции – вне разумных сомнений требовал личного участия адвоката Г. в судебных заседаниях по делу, и она была не вправе перепоручать это участие иному лицу, тем более не являющемуся не только адвокатом, но даже сотрудником адвокатского бюро. Другой представитель мог с согласия доверителя участвовать в судебных заседаниях наряду с адвокатом Г., но никак не вместо нее.

Заявитель, заключив с адвокатами Адвокатского бюро «Г.» в лице управляющего партнера Г. соглашение об оказании юридической помощи, предусматривающее обязанность поверенного представлять интересы доверителя в суде первой инстанции, и выдав адвокату Г. (а также иным лицам) нотариальную доверенность, которой предоставил в первую очередь адвокату Г. весь объем полномочий, предусмотренных ГПК РФ для судебного представительства, обоснованно полагал, что адвокат Г. не только подготовит процессуальные документы по делу, но также будет участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении спора судом. Включение иных юристов и сотрудников адвокатского бюро в доверенность, выданную Ч., также не освобождало адвоката Г., вопреки ее утверждениям, от личного исполнения поручения, принятого от доверителя. Что касается А., участвовавшего в судебном заседании в качестве единственного представителя Ч., то, как указано выше, доверенность ему была выдана не последним, а самой адвокатом Г. даже без получения в явном виде согласия на это Ч.

С учетом изложенного, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнении адвокатом Г. профессиональных обязанностей перед

доверителем Ч., выразившемся в том, что она, приняв поручение Ч. по представлению его интересов в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу, перепоручила оказание этой юридической помощи юристу А., не являющемуся адвокатом Адвокатского бюро города Москвы «Г.», оставив тем самым доверителя Ч. без квалифицированной юридической помощи. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Г. в части данного дисциплинарного обвинения опровергнутой, а ее вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

Совет отмечает, что обстоятельства, связанные с состоянием здоровья адвоката Г., на которые она ссылается, не препятствовали ей в организации надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем, а в случае невозможности этого – от постановки перед ним вопроса о расторжении соглашения.

Совет обращает внимание адвоката Г. на недопустимость нарушений обязательных требований законодательства и профессиональной этики при заключении соглашения с доверителем об оказании ему юридической помощи. Проявленная ею неразборчивость в способах получения вознаграждения путем заключения двух соглашений, в каждом из которых при этом содержались недопустимые условия, свидетельствуют об игнорировании основополагающих профессиональных требований в данной части. Однако в связи с тем, что соответствующие дисциплинарные обвинения заявителем не выдвинуты, дисциплинарные органы адвокатского самоуправления лишены возможности дать правовую оценку профессионального поведения адвоката Г. в данной части.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Г. за совершенное ею дисциплинарное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый и умышленный характер. Подобное профессиональное поведение адвоката Г., повлекшее существенное нарушение прав доверителя, Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что ранее адвокат Г., имеющая значительный профессиональный стаж, к дисциплинарной ответственности не привлекалась. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату Г. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности постоянно совершенствовать профессиональные знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке (пп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Г. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1. ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем Ч., выразившееся в том, что она, приняв поручение Ч. по представлению его интересов в судебных заседаниях по гражданскому делу № ..., рассматриваемому Г.-Х. городским судом В. области, перепоручила оказание юридической помощи по представлению интересов доверителя Ч. в судебных заседаниях по указанному гражданскому делу юристу А., не являющемуся адвокатом Адвокатского бюро города Москвы «Г.», оставив тем самым доверителя Ч. без квалифицированной юридической помощи.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе Ч. от 11 февраля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Обязать адвоката Г. в срок до 30 июня 2026 года привести информацию, размещенную в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте Адвокатского бюро города Москвы «Г.», а также на ее личном адвокатском сайте, в соответствии с требованиями законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и решениями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Адвокатской палаты города Москвы.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков